

УДК 327.7

Алексей ГРОМЫКО¹

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИЛЕММЫ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И УНИКАЛЬНОСТИ (к 60-летию региональной интеграции)

Аннотация. В статье, приуроченной к 60-летию подписания Римских договоров и 25-летию российской Ассоциации европейских исследований, рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается европентика в связи с многосторонними кризисными явлениями в Европейском союзе. В частности, ставится вопрос о значении центрального объекта европейских исследований – ЕЭС/ЕС – в изучении региональных интеграционных моделей, об изменении его статуса с точки зрения категорий универсальности и уникальности. Также анализируется состояние дел в Евросоюзе, соотношение центробежных и центростремительных процессов в нём. В этой связи уделено внимание теме политического лидерства в ЕС, изменению соотношения сил его ведущих политических игроков в результате брекзита. Сделан вывод о том, что глубина и комплексность современных проблем в развитии этой организации ведёт к изменению представления об “объединённой Европе”, как о трафарете региональной интеграции с универсальными характеристиками.

Ключевые слова: Европейский союз, универсальность, уникальность, политическое лидерство, Германия, брекзит, новый популизм, национальное государство.

Кризис Евросоюза: внутренние и внешние факторы

Теория и практика региональной интеграции превратилась во второй половине XX века в специализированную междисциплинарную область исследований. По меркам истории науки, включая европеистику, эта отрасль знания достаточно молодая. Процесс генезиса, становления и развития Европейского экономического сообщества / Европейского союза во многом стал её стержнем. Конечно, изучение региональной интеграции не сводится только к этим объектам исследований. Однако представляется, что длительное время именно они играли роль локомотива научных изысканий в этой области.

Ни один регион мира не миновали интеграционные процессы. Некоторые из региональных моделей в той или иной степени обзавелись наднациональными эле-

---

© *Громько Алексей Анатольевич* – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации европейских исследований. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220170617>

ментами. Очевидно, что далеко не каждую межгосударственную организацию можно рассматривать в качестве примера региональной интеграции. Многие из них носят международный характер, а небольшая часть – практически универсальный, в первую очередь Организация Объединённых Наций. Причём и такие объединения могут иметь элементы наднациональности. Так, в ООН ими обладает Совет Безопасности.

Почти все примеры региональных интеграций представляют собой объединения, в которых принцип межгосударственных отношений доминирует. Существует лишь одно исключение – Европейский союз, в котором наднациональные элементы в ряде сфер стали преобладающими. Встаёт вопрос: если это исключение, то обоснованно ли утверждение о том, что ЕЭС/ЕС в качестве объектов научных изысканий играют роль локомотива в исследованиях региональных интеграций? Ответ может заключаться в том, что до недавнего времени ЕЭС/ЕС, по крайней мере, в европеистике как части региональных исследований, воспринимались, скорее, как образец, а не исключение.

Только в последнее десятилетие и по нарастающей западноевропейская модель интеграции стала рассматриваться в терминах уникальности и неповторимости. Именно западноевропейская, несмотря на её последующее распространение на другие субрегионы Европы. Во многом этот тезис можно обосновать тем, что те принципы и критерии, на основе которых был запущен в 1957 г. интеграционный процесс в Риме с последующими волнами расширения в период с 1973 по 1995 гг., в полной мере были применимы для государств Западной Европы (с определёнными допущениями – для Испании, Португалии и Греции). Один из центральных принципов, помимо сравнимого уровня политического и социально-экономического развития, – вступление в евроинтеграционный процесс с полноценным осознанием императива “всё более тесного союза”, заложенного в договоре о создании ЕЭС (амбициозность декларации Шумана 1950 г. с идеей “европейской федерации” была ещё выше)¹. Исключением, пожалуй, оказалась лишь Великобритания, которая никогда всерьёз этот императив не воспринимала. Представляется, что помимо существенных социально-экономических, политических и исторических отличий целеполагание многих государств, вступивших в ЕС в 2004 г. и позже, было также иным, как, впрочем, и отношение к новичкам со стороны старожилов.

Уникальность западноевропейской модели интеграции проявилась в целом ряде обстоятельств. Во-первых, это среда политического мышления и политической философии, созданная исторической атмосферой двух мировых войн, эпицентром которых была Европа. Другими словами, наличие миссии наравне с меркантильными соображениями, миссии, которая позже получила воплощение в концепции “европейской мечты”. Во-вторых, условия холодной войны и биполярного мира, которые играли роль катализатора интеграционных процессов на западе континента. В-третьих, наличие полицентричного и достаточно равновесного ядра интеграции в лице шести государств-основателей ЕЭС. В-четвёртых, возможности для расширения, которое до начала XXI века носило в целом органический характер, но затем натолкнулось на “естественные границы” – фактор, хорошо известный по истории империй (“перенапряжение сил”), как и в теории и практике систем управления. Территориальное исчерпание миссии получило в Европейском союзе название “усталость от расширения”.

---

¹ Среди исследований данного императива см.: [Desmond Dinan, 2005].

Очевидная невоспроизводимость обстоятельств зарождения и развития западноевропейской интеграции в других регионах мира, а также каскад кризисных явлений в ЕС, обрушившийся на него со времени “конституционного кризиса” 2005 г., снизила статус западноевропейской модели до одной из многих. Осознание этого произошло и в умах самих “евростроителей”. Не случайно в Глобальной стратегии ЕС, обнародованной в июне 2016 г., признаны пределы воспроизводства этой модели и содержится тезис о взаимном обогащении различных региональных моделей (reciprocal aspiration). Это означает, что Евросоюз перестает быть примером для подражания, трафаретом для создания своих репликантов где-либо в мире.

Невоспроизводимость модели не означает, что она не может обладать привлекательностью. Многое из накопленного опыта тех или иных интеграционных проектов, как положительного, так и отрицательного, служит для выстраивания и развития других объединений. Концептуальная и законодательная база Евразийского экономического союза, почерпнувшая многое из наследия ЕЭС, – один из таких примеров. Но заимствование опыта ЕЭС/ЕС перестает носить форму трансплантации в пользу выборочного, точечного использования его отдельных элементов.

Можно возразить, что трудности, с которыми столкнулся Евросоюз, – текущие и приходящие, что после того, как они будут преодолены, он вновь выйдет на устойчивую кривую роста. А значит, вновь утвердится как образец. На той же чаше весов – тезис об истории европейской интеграции, как о череде кризисов, которые в итоге приводили к её продвижению вперёд. Такие рассуждения сродни дискурсу о природе мирового экономического кризиса, начавшегося в 2007 г. в США. Глобальная экономика до сих пор живёт в тени воспоминаний о нём, а его отзвуки могут оказаться не затухающим процессом, а предтечей новой волны экономических бед. Ряд экономистов изначально посчитали, что, если мировой кризис и не циклический, то не более чем структурный. Другие заявили о его системной природе, следовательно, о необходимости капитального, а не косметического ремонта мировой экономической и финансовой архитектуры. Представляется, что многое говорит в пользу последней точки зрения. В частности, несистемность кризиса предполагает, что система сохраняет и демонстрирует способность к самообновлению, регенерации, адаптации. Неспособность существующей системы решить даже такой частный вопрос, как перераспределение национальных квот в Международном валютном фонде, говорит об обратном.

Проявлениями системности кризиса ЕС служат его многослойность, брекзит и в целом явление “нового популизма” в Европе, провал политики соседства как на южных, так и на его восточных рубежах, заявленный концептуальный отказ от опоры в общей внешней политике на принцип “мягкой силы”, очевидные пределы территориального расширения организации вкупе с обострением разногласий о методах углубления интеграции и др. Особняком стоит проблема источника кризисных явлений. Если их природа периферийная, то риски для системы невелики. Другое дело, если речь идёт о сбоях в ядре системы. Именно это произошло в ЕС в 2005 г., когда две страны-основательницы ЕЭС (Франция и Нидерланды) торпедировали проект Европейской конституции. После 2008 г. вновь некоторые составляющие ядра, как и первых “напластований” на нём в лице участников расширений в 1970-е – 1990-е гг., оказались эпицентром экономического кризиса (Британия) или в категории “европейской периферии”, другими словами – слабых звеньев еврозоны (Италия, Испания, Греция и даже Франция).

Конечно, дело не только во внутренних проблемах ЕС. Не меньшее негативное значение имеют и внешние факторы. Евросоюз до сих пор был встроен в модель глобализации, которую в западной политической науке принято называть “либеральным международным порядком”. В действительности, речь идёт о смешении двух понятий – системы глобального управления, или международных отношений, и новейшей финансово-экономической стадии глобализации (гиперглобализации). Первое понятие относится к тем из институтов глобального управления и регулирования, выстроенных в первые десятилетия после Второй мировой войны, которые обслуживали главным образом интересы США и их союзников. Второе – к явлению, формирование которого приняло форму “неолиберальной волны” только в 1980-е – 1990-е гг.

Долгое время государства ЕЭС/ЕС, как и организация в целом, выигрывали от того, что в обоих случаях принимали самое активное участие в этих процессах. Однако тон в них задавали не Берлин, Париж или Рим, а Соединённые Штаты и Британия. Например, олицетворением “неолиберальной волны” стали рейганомика и тэтчеризм. Но по мере того, как эти в целом внешние для ЕС факторы вырабатывали свой ресурс, они превращались из стимулов в обузу. Надо отметить, что ЕС не был исключительно пассивным наблюдателем такого положения вещей – например, была создана евровалюта как конкурент доллара. Другие события, такие, как брекзит, не были делом его рук, но фактически служили ему на пользу, предоставляя большую свободу действий.

Источником системности кризиса в ЕС стало и переутверждение в начале XXI века концепции национального государства. Политическая философия западноевропейской интеграции до недавнего времени предполагала постепенное отмирание функций государства-нации в пользу федеративного измерения интеграции и её наднациональных структур. Однако череда событий в виде конституционного кризиса, брекзита, нового популизма в Европе и США демонстрирует, что этот процесс прерван. “Развод” с Британией вряд ли вновь вернёт в повестку дня идею размывания государства-нации, хотя и даст возможность достроить ряд таких наднациональных элементов в архитектуре ЕС, как фискальный и банковский союзы.

Если модель Евросоюза невозможно репродуцировать в других регионах мира, то трудно ожидать, что изучение ЕЭС/ЕС будет и дальше служить локомотивом в исследованиях региональной интеграции как отрасли знания. Переставая быть трафаретом и образцом для подражания, эта модель, вероятно, сохранит своё значение в первую очередь для Европы и шире – для интеграционных проектов в Евразии.

Трудный путь к Римской декларации

2017 год с новой силой поставил вопрос о будущем Европейского союза. В Риме 25 марта главы государств и правительств его 27 стран-членов собрались на празднование 60-летия европейской интеграции и подписания Римских договоров. 60 лет это большая часть человеческой жизни. Жизнь каждого наполнена многочисленными событиями, которые окрашены в разные цвета. У европейской интеграции история не менее многогранна.

В России многие памятные события в 2017 г. находятся в тени 100-летия Русской революций. Не случись она, Россия была бы другой – какой не известно, но другой. Во многом другими были бы Европа и мир. Декларация Р. Шумана 1950 года, последующее создание Европейского объединения угля и стали, Римские до-

говоры, дальнейшие стадии развития ЕЭС, а затем ЕС, также изменили Западную и Центральную Европу во многом до неузнаваемости.

Русская революционная тематика имеет и другое созвучие с историей европейской интеграции последних 60 лет. Если не революционным, то как ещё можно назвать кардинальное изменение положения дел, например, в отношениях между Францией и Германией, которые после 1945 г. пережили историческое примирение. Оно стало возможным из-за ужасов Первой и Второй мировых войн, очагом которых оба раза была Европа. Но то был фактор страха и его вряд ли оказалось бы достаточно, чтобы коренным образом переломить ситуацию в отношениях между ведущими западноевропейскими государствами. Вторым фактором стало создание механизмов и институтов, способствовавших и цементирувавших примирение: вначале ЕОУС, затем, в 1957 г. – ЕЭС и Евратом и, наконец, с 1992 г. Евросоюз. Нельзя не отметить, что по иронии судьбы сегодня именно Маастрихт служит в Нидерландах одним из электоральных оплотов Герта Вильдерса, лидера крайне правой партии Свободы, жёсткого евроскептика.

Последнее десятилетие в очередной раз подтвердило, что история Евросоюза – это история кризисов. Но есть и существенное отличие. Раньше кризисы западноевропейской интеграции рассматривали скорее через призму “созидательного разрушения” по-Шумпетеру, а не как угроза всему проекту. Но каскад кризисов, обрушившихся на Евросоюз с 2005 г., т.е. начиная с кризиса конституционного, поставил вопрос о будущем объединения, о том, выживет ли оно в таком виде, в котором мы его знаем и к которому привыкли как к объекту исследований.

Одни скажут, что 60-летие ЕС – это больше чем юбилей; что он подводит черту под всей его предыдущей историей. И аргумент здесь ясен – брекзит, беспрецедентное событие – выход страны-члена из состава организации. Причём какого члена: её второй экономики, ведущей военной силы, члена СБ ООН и ядерной державы. Действительно, крайне неудачное совпадение – в год празднования 60-летия начинается процедура “развода” с Великобританией. И интрига здесь уже почти исчерпана, но всё же далеко не до конца. Брексит преподнесёт ещё немало сюрпризов.

14 марта 2017 г. по-московскому времени палата общин и палата лордов британского парламента завершили законодательный “пин-понг”: билль о брекзите, наконец, был утверждён в первоначальном виде, т.е. в редакции правительства. После этого законопроект поступил на ратификацию британскому монарху. 29 марта, подписанное Терезой Мэй уведомление о выходе из ЕС, поступило в Брюссель. Сделанная пауза была вызвана двумя причинами: дать состояться парламентским выборам в Нидерландах, которые прошли 15 марта, и дождаться завершения юбилейного саммита в Риме 25 марта.

Все последние месяцы внимание общественности было сосредоточено на статье 50 Лиссабонского договора, которая определяет общие контуры выхода страны-члена из состава ЕС. Но не меньшее, а по сути большее значение имеет другая статья – 218, которая регулирует заключение соглашений между ЕС и третьими сторонами. Эти две статьи основываются на разном процедурном фундаменте, что сильно осложняет стремление Лондона вести переговоры с Брюсселем одновременно и о “разводе”, и о будущем формате двусторонних взаимоотношений.

Мишелю Барнье, главному переговорщику ЕС по брекзиту, выдан мандат на ведение переговоров от имени Брюсселя сугубо по статье 50-ой, хотя затрагивать вопросы будущих контуров отношений позволено. Важно и то, что для утверждения соглашения о “разводе” предусмотрено квалифицированное большинство го-

лосов стран-членов, а соглашение с третьими странами (каковой Британия станет после брекзита) нуждается в консенсусе 27-ми. С другой стороны, согласие Европарламента с соглашением о выходе государства-члена необходимо, тогда как модальности отношений с третьими странами согласно статье 218 этого в ряде случаев не требуют.

Драматично развивалась ситуация не только с формализацией брекзита, но и с формированием новой модели взаимоотношений между ЕС и США. Даже природа, казалось, встала на этом пути – первоначально сорвалась встреча Д. Трампа с А. Меркель, которую пришлось отложить из-за снежной бури на восточном побережье США; самолёт с немецким канцлером не смог в назначенный срок вылететь из Берлина. Пожать руки в Вашингтоне им удалось 17 марта. Весь мир облетели кадры, на которых Меркель с несвойственным для неё выражением лица взирает то на Трампа, то на его дочь Иванку.

Однако другие скажут, что 60-летие ЕС в такой обстановке – не причина для паники, что спешить с оценками рано, и по-своему они будут правы. ЕС и в составе 27-ми членов по-прежнему представляет собой самый большой, наравне с США, единый рынок на Планете. ЕС остаётся региональным тяжеловесом и выборочно – глобальным игроком.

Весь вопрос в том, останутся ли центробежные силы на Соединённом Королевстве, или увлекут в свой водоворот и другие страны, а вместе с ними и саму организацию? Сама Британия может не избежать этой участи, ведь её действия приводят не только к частичной дезинтеграции ЕС, но могут разрушить и её собственное единство. В марте Шотландий парламент перешёл от слов к делу и проголосовал за проведение второго референдума о независимости в период с осени 2017 г. до весны 2018-го.

Крайности в оценке ситуации не на пользу взвешенному анализу. Ошиблись апологеты Евросоюза, когда в первой половине прошлого десятилетия пели ему панегирики, пророчествуя мировое лидерство в XXI веке. Они сослужили ему плохую службу, оказали медвежью услугу своими чрезмерно оптимистическим прогнозами. Ведь политический истеблишмент ЕС искренне поверил в неизбежность такого лидерства. Но всё же ошибаются те, кто произносит Евросоюзу одни филиппики. Безусловно, эта организация ещё обладает запасом прочности, и большинство стран, в неё входящих, знают, что потеряют от её распада больше, чем приобретут.

Даже если пессимистические прогнозы о последствии брекзита для Британии не сбудутся или сбудутся частично, другой “Британии” в ЕС нет, и повторить эту мёртвую петлю Нестерова вряд ли ещё кому-то под силу без риска для “жизни”. Таким образом, ничего не предопределено ни для еврооптимистов, ни для евроскептиков. Дальнейший ход событий будет зависеть от правильности или ошибочности принятия решений и качества регионального и государственного управления. Шансы есть и у противников, и у сторонников ЕС. И не потому что оба лагеря имеют возможность манипулировать электоратом, дело в другом: по обе стороны баррикад политики опираются на поддержку многочисленных категорий населения. Там же, где действует закон больших чисел, случайностей быть не может.

Иными словами, своя правда есть и у почитателей ЕС, и у его хулителей. В этой сложной ситуации многое зависит от того, будут ли правящие политические силы усугублять дальнейшую поляризацию населения, обвиняя своих оппонентов во всех смертных грехах. Иной путь – понять сущность евроскептицизма, адаптироваться

самим и адаптировать национальные партийно-политические системы к новым социальным ожиданиям и требованиям, модернизировать политический процесс.

Неформальный саммит в Риме 25 марта в формате ЕС-27, т.е. без Британии, был проведён далеко не впервые. Такой формат использовали в сентябре 2016 г. в Братиславе, затем в феврале 2017 г. на Мальте. Его применили 29 апреля на чрезвычайном заседании, состоявшемся ровно месяц спустя после официального уведомления Терезы Мэй в адрес Д. Туска о задействовании ст. 50 Лиссабонского договора. Параллельно Британия продолжает, до момента своего выхода из ЕС, оставаться полноправным участником официальных саммитов ЕС-28 – заседаний Европейского совета как высшего органа управления Евросоюзом. Они прошли в октябре и декабре 2016 г., затем в марте в Брюсселе. Позже главы государств и правительств 28 стран планируют собраться в июне, где обсудят безопасность внешних границ ЕС, и в ноябре, где рассчитывают завершить создание Банковского союза.

Но механизм управления ЕС на уровне его высшего эшелона этим не ограничивается. Существует традиция мини-саммитов с участием грандов организации. Последняя встреча подобного рода прошла 6 марта 2017 г. в составе новой “большой четвёрки”, обновлённой в свете “развода” с Британией: в Версаль съехались лидеры Германии, Франции, Италии и Испании. Регулярно на высшем уровне встречаются страны Бенилюкса, прибалтийские государства, Вишеградская четвёрка в составе Польши, Венгрии, Словакии и Чехии. Все перечисленные встречи создают плотную “ткань” принятия решений в ЕС, делают его достаточно устойчивым к внешним и внутренним шокам.

Но у такой практики есть и обратная сторона, когда выработка мнения большинства, тем более консенсуса, превращается в слишком медленный процесс, а то и вовсе неосуществимый. “Пористость” управленческой сферы ЕС становится всё более очевидной. Особенно это заметно в периоды, когда от государств или национальных структур требуются быстрая реакция на опасные вызовы. Миграционный кризис продемонстрировал это со всей наглядностью.

Дорога к юбилейному саммиту в Риме оказалась трудной и испещрённой препятствиями. Ещё в сентябре 2016 г. была принята “дорожная карта”, целью которой стала выработка юбилейной римской декларации, расставляющей приоритеты развития ЕС на ближайшее десятилетие. Финишную прямую к ней прокладывало заседание Европейского совета, прошедшее 9-10 марта 2017 г. в Брюсселе. Первый день работы прошёл в полном составе 28 членов; во второй день дискуссии продолжились без Великобритании. В результате мандат Д. Туска как председателя Европейского совета был продлён ещё на 2,5 года. Голосование по такому вопросу проводится квалифицированным большинством голосов. Если бы требовался консенсус, то Туска бы не избрали: против него проголосовала его собственная страна Польша в лице премьер-министра Беаты Шидло. В знак протеста против того, что позиция Варшавы по кандидатуре Туска была проигнорирована, она заявила, что ЕС находится в глубоком кризисе и заблокировала принятие итогового документа. Его заменило заявление председателя Европейского совета.

Подготовленная саммита в Брюсселе состоялась и в том, что 1 марта 2017 г. Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, в которой изложено пять сценариев развития ЕС [White Paper on the Future of Europe, 1 March 2017]. Первый – “продолжение курса”, второй – “только Единый рынок”, третий – “кто хочет больше, делают больше”, четвёртый – “делать меньше более эффективно”, и, наконец, пятый – “делать больше вместе”. Фаворитом Брюсселя является сценарий номер 3 – “кто

хочет больше, делает больше”. Это хороший знакомый – концепция “Европы разных скоростей”, которая заложена в Лиссабонском договоре, в том числе в виде “постоянного структурированного сотрудничества” в сфере безопасности и обороны. Конечно, на деле речь идёт о комбинации сценариев для развития ЕС в ближайшем будущем. Так, считается, что А. Меркель симпатизирует комбинации из 3 и 4 сценариев: “кто хочет больше, делает больше” и “делать меньше более эффективно”, а Ж.-К. Юнкер предпочитает комбинацию из 3 и 5 сценариев, т.е. “Европа разных скоростей” и “делать больше вместе”.

“Разноскоростная Европа” – идея достаточно старая и испытанная на практике. Так, только 19 членов ЕС из 28 входят в Еврозону, а среди них только 10 выступают за налог на финансовые транзакции. Другой пример – 22 страны из 28-ми входят в Шенгенскую зону. Однако в условиях кризисов последних лет вопрос о новых формах закрепления практики разнородности в развитии организации стал особенно остро и болезненно восприниматься рядом центрально- и восточноевропейских стран. Категорически против высказалась Польша и с разной степенью критичности – другие члены Вишеградской четвёрки. Открыто недовольствие выразил президент Румынии Клаус Йоханнис. Эти государства опасаются, что более развитые, богатые и влиятельные страны пойдут по пути дальнейшей интеграции без них, выталкивая их в категорию государств-членов второго сорта.

В юбилейной римской декларации акцент сделан на четырёх приоритетах: защита европейских граждан и миграция; экономический рост, занятость и развитие; социальная Европа и, наконец, укрепление геополитической роли ЕС [http://www.consilium.europa.eu/press-releases-pdf/2017/3/47244656633_en.pdf]. Все эти тематические блоки хорошо известны и во многом повторяют многократно заявленные постулаты. Каждый из них – вызов для этого регионального объединения, причём соизмеримой интенсивности. Другими словами, трудно расставить их иерархию и решать проблемы последовательно; странам-членам и Брюсселю приходится заниматься всем сразу. Но в результате его управленческие и финансовые потенциалы истончаются, теряется целеполагание.

Проблема политического лидерства

Отдельно стоит вопрос о политическом лидерстве в ЕС. Современное драматическое состояние дел в Европейском союзе, в том числе брекзит, – следствие усиления различных диспропорций, диспаритетов в нём. Для Германии это оборачивается неизбежной необходимостью определяться со своими тактикой и стратегиями внутри объединения и на международной арене. Брексит резко меняет традиционную конфигурацию сил в ЕС. Распад “большой тройки” (Британия, Франция, Германия), какой бы неустойчивой она ни была, подталкивает к возрождению франко-германской оси. Но автоматически это не произойдёт; по сравнению с первыми десятилетиями функционирования ЕЭС сильно изменились и Франция, и Германия. Относительный вес первой снизился, а второй – вырос.

Вероятно, для решения этой проблемы неформальные согласования наиболее важных решений для ЕС будет проводиться силами видоизменённой “тройки” в составе Берлина, Парижа и Рима с регулярным подключением Мадрида (на примере состоявшегося в марте мини-саммита речь может идти о “версальском формате”). Адаптация Германии к новой ситуации будет трудным: из этой четвёрки лишь Берлин продолжает настаивать на политике жёсткой экономии, сопротивляется

превращению Европейского центрального банка в “кредитора последней инстанции”. Кроме того, в ближайшем будущем у Меркель, выиграв ХДС/ХСС парламентские выборы в сентябре, может не оказаться надёжных политических визави в трёх других столицах.

Экономика Франции находится в сложном положении, регулярно давая основания рассуждать о том, что эта страна может стать следующим слабым звеном еврозоны. Во главе государства последние годы стоял крайне непопулярный президент-социалист, в то время как правый фланг партийно-политической системы раздроблен. На фоне дезориентации в кругах политического истеблишмента очки набирал Национальный фронт во главе с Марин Ле Пен. В случае победы в двух турах 23 апреля и 7 мая М. Макрона, на посту президента окажется политик без собственной массовой организации, что поставит его в сильную зависимость от внутривнутриполитической конъюнктуры. В Испании у власти правительство меньшинства во главе с М. Рахоем, и внеочередные выборы могут состояться как в этом, так и в следующем году. Зыбок демократический мандат и премьер-министра Италии П. Джентилонни, оказавшегося на этом посту после вынужденной отставки М. Ренци в декабре 2016 г. Италия также рано или поздно не избежит внеочередных парламентских выборов.

Во многом противоположные процессы долгое время происходили в Германии. Её экономика достаточно уверенно преодолела первую фазу кризиса в 2008-2009 гг., подтвердив репутацию экономического мотора европейской интеграции; под контролем остались показатели по безработице и инфляции. А. Меркель получила широкое признание в качестве тяжеловеса ЕС. В обиход вошла фраза (скорее лестная, чем критическая), что Германия теперь слишком велика для Европы, но ещё мала для мира. С уходом в начале XXI в. в прошлое деголлевской Франции и с новой волной евроскептических настроений на Берлин, помимо Брюсселя, стали возлагать всё большие надежды как на центр интеграционного объединения.

Отличие от традиционных амбиций Лондона и Парижа, Германия до недавнего времени не претендовала на существенную автономию своей политики в рамках Евросоюза, тем более, за его пределами. Суверенитет Германии оставался и остаётся под “двумя замками” – “пула суверенитетов” ЕС и рудиментов внешнего управления как наследия 1945 года. Громкой заявкой на самостоятельность в принятии решений по крупным проблемам стала оппозиция Берлина Соединённым Штатам по вопросу о вторжении в Ирак в 2003 году. Позже Германия позволила себе проявить очевидные лидерские качества в условиях бюджетного и долгового кризиса в ЕС в еврозоне, а затем в начальной фазе миграционного кризиса.

Долгое время ФРГ была заложницей той же парадигмы, что и Евросоюз в целом – экономический гигант, но политический легковес. Конечно, асимметрия между экономической мощью ЕС и незрелостью его внешней политики в последние десятилетия постепенно уступала место более сбалансированному соотношению этих двух элементов. Однако их паритет – дело нескорого будущего. В этой сфере последствия брекзита могут быть противоречивыми. Ключевые страны ЕС, освободившись от британского евроскептицизма, могут энергичней продвигать общую внешнюю политику и политику безопасности и общую политику безопасности и обороны.

После британского референдума эти устремления быстро напомнили о себе, например, на неформальной встрече Высокого представителя ЕС по иностранным

делам и политике безопасности Ф. Могерини и министров обороны ЕС в Братиславе в сентябре 2016 г. [ec.europa.eu/avservices/video/player.cfm?ref=I126719], в совместном документе “Сильная Европа в мире неопределённости” Ф.-В. Штайнмайера, теперь уже президента ФРГ, и Ж.-М. Эйро, министра иностранных дел Франции [<http://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/european-union/events/article/a-strong-europe-in-a-world-of-uncertainties-28-06-16>]. В нём содержится предложение о заключении государствами-членами ЕС Европейского пакта безопасности.

Большим испытанием для политических амбиций Германии стал кризис долговых обязательств Греции, Испании, Португалии, Ирландии, а затем миграционный кризис. В первом случае репутация Берлина пошатнулась в глазах Южной Европы, включая Францию и Италию, во втором – в глазах Центральной Европы (Вишеградской четвёрки – Венгрии, Словакии, Чехии и Польши).

Всё больше стран-членов ЕС подозревают Германию в том, что она действует, исходя не столько из общего блага, сколько из собственных интересов, а это лишь стимулирует дискурс о “национальных эгоизмах”. Кроме того, Германия как внутри ЕС, так и со стороны США, подвергается критике за выдвижение своим партнёрам неподъёмных требований жёсткой экономии, одновременно продолжая делать ставку на агрессивную экспортную ориентацию своей экономики.

В результате политические активы Берлина, накопленные в годы “тучных ковров” и в начальный период финансово-экономического кризиса, сильно растрочены. Но светлая сторона брежневизма для Германии состоит в том, что продолжение дрейфа Лондона от континентальной Европы вновь стимулирует рассуждения о неизбежном лидерстве Берлина. Хотя здесь есть много “но”. Например, аспект “жёсткой силы”: численность бундесвера составляет 185 тыс. чел., а до объединения была 600 тыс. Расходы на оборону снизились в ВВП страны с 2009 по 2014 гг. с 1,44 до 1,29% [Фёдоров, 2016: 16, 18].

Показательна и дискуссия о “двух процентах”, разгоревшаяся в Германии в ответ на требование новой американской администрации к союзникам по НАТО увеличить свой вклад в бюджет альянса¹. З. Габриэль, сменивший в январе 2017 г. Ф.-В. Штайнмайера на посту министра иностранных дел, не раз заявлял, что ФРГ не собирается этого делать и что необходимо толковать понятие “оборонные расходы” как расходы на безопасность в широком смысле этого слова. Председатель Мюнхенской конференции по безопасности В. Ишингер в развитие этой идеи предложил индикатор “три процента”, которые бы включали, помимо военного бюджета, траты на предотвращение кризисов и их урегулирование, на содействие развитию и т.п. [Wolfgang Ischinger. March 2017]. Однако эти предложения противоречат постепенному развороту ЕС в сторону “жёсткой силы”. В новой Глобальной стратегии ЕС записано, что “в современном хрупком мире мягкой силы недостаточно” [Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. June 2016: 47]. О росте значения “жёсткой силы” говорится и в упомянутом выше совместном заявлении Штайнмайера и Эйро.

В отношении Германии речь продолжает идти о феномене “сомневающегося лидера”, который во многом тяготеет выпавшей на его долю ответственностью. Действительность, однако, заставляет эту роль играть всё активнее. Важен и тот

---

¹ На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. государства-члены декларировали необходимость увеличения военного бюджета каждого из них до 2% национальных ВВП.

факт, что на сегодня Германия остаётся в категории оптимистически настроенных к ЕС стран-членов. Опрос, проведённый 23 марта, показал: 45% немцев считают, что членство в ЕС их стране выгодно, а 75% проголосовали бы за сохранение Германии в составе интеграционного объединения [Поддержка ЕС со стороны немцев достигла 25-летнего максимума. 23 марта 2017 г.].

Но лидерство Германии вызывает в Евросоюзе не только оптимизм, но и обеспокоенность. И яблук раздора здесь сразу несколько. Помимо политики жёсткой экономии, либерального отношения к миграции и “Европы разных скоростей”, это проект “Северный поток – 2”. Берлин рассматривает его, как вклад в энергетическую безопасность ЕС, а Польша, Словакия, Литва и ряд других стран – как невыгодный для них либо исходя из экономических соображений, либо геополитических.

Осью внутривнутриполитической жизни Германии до сентября 2017 г. будут оставаться парламентские выборы. Высокая вероятность сохранения у власти “большой коалиции”. В этом случае неизбежно встаёт вопрос о будущем канцлере. Трудно себе представить, что А. Меркель согласится на роль второго плана в коалиции с СДПГ, так и то, что М. Шульц досрочно покинул пост президента Европарламента ради того, чтобы довольствоваться вторым номером.

В любом случае очевидно, что политика Германии и после выборов сохранит центристский характер. Во внешней политике одним из выражений этого станет стремление к возрождению франко-германского тандема. На это же рассчитывают и центристы во Франции. 16 марта на встрече с А. Меркель в Берлине Ф. Макрон заявил о том, что Германия в последние два года изменила стратегию; ранее она делала ставку на Россию и Китай, а теперь “возвращается” к Франции.

Что касается перспектив взаимодействия России и Германии во главе с перелицованной “большой коалицией”, то оптимизм здесь вряд ли оправдан. Руководя Европарламентом, М. Шульц прямолинейно выступал с жёстких антироссийских позиций. Он также является убеждённым сторонником внешней политики, основанной на ценностях. Такой идеологизированный подход, который давно выявил свою несостоятельность в международных делах, может стать дополнительным препятствием на пути нормализации российско-германских отношений.

* * *

Многосторонний кризис Евросоюза, развивавшийся с середины 2000-х гг., меняет отношение к “объединённой Европе” как к трафарету региональной интеграции с универсальными характеристиками. Несомненно, сложности функционирования этой модели являются вызовом для отечественной европеистики. Слабые стороны этой модели, недочёты и ошибки в “евростроительстве” заслуживают пристального внимания исследователей, особенно в приложении к развитию Евразийского экономического союза. Большое значение имеет учёт внешних негативных факторов для будущего ЕС, представляющих собой не меньший вызов, чем внутренние проблемы. Недостатки в сфере политического лидерства, феномен “нового популизма”, социальная поляризация европейских обществ, трансформация партийно-политических систем, попытки развить стратегическую автономию организации, пути восстановления взаимовыгодных отношений с Россией – эти и другие темы ждут своего дальнейшего изучения.

Список литературы

Поддержка ЕС со стороны немцев достигла 25-летнего максимума // *Пульс Планеты*. Европа. ИТАР-ТАСС. 23 марта 2017 г.

Фёдоров В.П. (2016) Существует ли германский вопрос? Глава 1. В: Германия. 2015. Часть I. Доклад Института Европы No 327. Изд. Нестор-История. С. 16, 18.

Desmond Dinan. Ever Closer Union. An Introduction to European Integration. 3rd Edition. Lynne Rienner, 2005.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 47.

White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. European Commission, 1 March 2017.

Wolfgang Ischinger. Big League – More Europe, Not Less // *Monthly Mind*. March 2017.

References

Podderzhka ES so storony nemcev dostigla 25-letnego maksimuma // *Pul's Planety*. Evropa. ITAR-TASS. 23 marta 2017.

Fjodorov V.P. (2016) Sushhestvuet li germanskij vopros? Glava 1. V: Germanija. 2015. Chast' I. Doklad Instituta Evropy No 327. Izd. Nestor-Istorija. S. 16, 18.

Desmond Dinan. Ever Closer Union. An Introduction to European Integration. 3rd Edition. Lynne Rienner, 2005.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 47.

White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. European Commission, 1 March 2017.

Wolfgang Ischinger. Big League – More Europe, Not Less // *Monthly Mind*. March 2017.

European studies: dilemmas of universality and uniqueness

Author. Gromyko Al., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article, written in connection with the 60th anniversary of the Rome Treaties and the 25th anniversary of Association of European Studies, is dedicated to problems, which European studies are facing due to multifaceted difficulties in the functioning of the European Union. In particular, the centrality of EEC/EU in the regional integration studies is discussed in categories of uniqueness and universality. The current state of affairs in the EU is explored through the prism of centripetal and centrifugal forces. The attention is paid to the issue of political leadership and changes in configuration of leading actors in light of Brexit. The conclusion is drawn that the depth and complex nature of the EU's malaise change the perception of a "united Europe" as a template for regional integration with universal features.

Key words: European Union, universality, uniqueness, political leadership, Germany, Brexit, new populism, nation-state.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220170617>
